

Как совесть народа, чиста твоя влага,
Как мысль, над тобою высок небосвод,
И облако, будто узнавшее благо
В своем отраженье, спокойно плывет,

Неслышно плывет над тобою с восходом,
И ты ему дорого так же, как мне,
И, легкую тень подарив твоим водам,
Оно хорошеет в твоей глубине.

И белые горы, и желтые скалы
В тебе повторились, как в сердце моем.
Я вновь тебя вижу, больной и усталый,
И черпаю силу в потоке живом.

Я вновь тебя вижу, и все мои раны,
Сдается, твоя исцеляет вода.
Орлы, в небосвод устремляясь багряный,
Рассвет над тобою встречают всегда.

Твоей красотой мой край осветился,
Раскинулось ты среди листьев и скал.
Как мальчик, который в лесу заблудился,
В тоске по тебе я нередко рыдал.

К тебе припадал окровавленный воин,
И раны твоей омывал он водой,
И месяц лучился,— погаснуть не волен,—
Над ним, над тобой, над скалистой грядой.

Аробщик, застигнутый ночью безлюдной,
В прибрежной траве дожидался утра,

И всадник, дорогой измученный трудной,
Здесь думал о многом при свете костра.

Рассвет, на кизил незрелый похожий,
Глядится в твое голубое стекло.
От снега вершин ты становишься строже,
Считаешь века,— сколько их протекло!

Закат из-за гор — ярче зрелой малины —
Тебя облачает в багровый покров,
А в полдень, когда пламенеют долины,
Ты цвет принимаешь зеленых дерев.

О, будь я не горцем, а туром-подранком,
Я так же припал бы к воде голубой!
Пронзенный осколком, раздавленный танком,
Приполз бы и умер бы рядом с тобой!

1961